

Содержание

НЕИЗВЕСТНОЕ ОБ ИЗВЕСТНОМ

В. А. Коренцевит

«Загадочный» чертеж Невской ограды Летнего сада.

*Перерисовал или перечеркнул архитектор
Фельтен проект за архитектора Фока?* 3

А. Ю. Епатко

Небывалое происшествие в Летнем дворце Петра I 6

Ю. С. Куликов

История и перспективы одной Выборгской руины 8

В. Е. Павлов

Памятник императору и инженеры
путей сообщения 12

ПЕТЕРБУРЖЦЫ И ПЕТЕРБУРЖЕНКИ

А. Ю. Мудров

Художник Михаил Кудреватый:
Петербургская быль 14

И. Х. Кессиди

Главный табачный мастер СССР 18

Н. М. Романова

Комиссар Петроградского Комиссариата по делам
национальностей – А. И. Раева (Раппопорт) 21

ГОРОД ДАЛЕКИЙ И БЛИЗКИЙ

А. Г. Булах

Из Ленинграда в Париж и Канаду и назад
в Петербург... *Орбелиани, Роде, автограф
К. Петрова-Водкина и другие бумаги из прошлого* 30

ПЕТЕРБУРГСКАЯ СЕМЬЯ

Е. В. Селиверстова, Е. Г. Удалова

Семья Альбрехт и Детская питательная колония
(1918–1921 годы) 35

Г. А. Копытов

Путь к забвению 44

ДУША ПЕТЕРБУРГА

А. Н. Кашеваров

Церковная печать Петрограда в период
революционных потрясений
1917–1918 годов 50

М. И. Куиките

Красный патрон: из истории советской
благотворительности. *Окончание* 57

СОВРЕМЕННЫЕ МЕМУАРЫ

Н. Б. Ветошников

Теннис в моей жизни 62

А. Г. Логинова

Последний штрих.
Воспоминания бывшей школьницы
Ленинграда, выпускницы 1940 года
Очерки о семье Лелиных 74

В. И. Лелина

Семья 76

Е. И. Лелина

Расстанная 80

Е. И. Лелина

Костя Питерский 82

БЛОКАДА ЛЕНИНГРАДА

Р. М. Арбинская

Рассказы о блокадном детстве 84

РЕЦЕНЗИИ

Т. Н. Минникова

О книге Юрия Лебедева
«Ленинградский “блицкриг”» 90

Сведения об авторах 92

Главный редактор

С. Н. Полтораки, доктор исторических наук, профессор

Редакционная коллегия

Е. В. Анисимов, доктор исторических наук, профессор
Ю. С. Васильев, доктор технических наук, профессор, академик РАН
Б. Д. Гальперина, доктор исторических наук, профессор
Р. Ш. Ганелин, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН
Н. К. Гуркина, доктор исторических наук, профессор
В. С. Измозик, доктор исторических наук, профессор (заместитель главного редактора)
Е. Я. Кальницкая, доктор культурологии
А. Н. Кашеваров, доктор исторических наук, профессор
Е. И. Краснова
Г. В. Михеева, доктор педагогических наук, профессор
Ю. А. Молин, доктор медицинских наук, профессор, заслуженный врач РФ
О. И. Молкина
Ю. В. Мудров
В. Е. Павлов, доктор технических наук, профессор
Р. Э. Павлова
В. Н. Плешков, доктор исторических наук, профессор
Т. М. Смирнова, доктор исторических наук, профессор
В. П. Третьяков, доктор психологических наук, профессор
И. М. Триодина, кандидат культурологии, доцент
А. Н. Чистиков, доктор исторических наук
В. П. Яковлев, кандидат исторических наук, профессор (заместитель главного редактора)

А. А. Жигалова, специальный корреспондент

Журнал основан и зарегистрирован 20 июля 2000 г.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № 2-4602

Выдано Территориальным управлением по Санкт-Петербургу и Ленинградской области МПТР РФ

Учредитель С. Н. Полтораки

Куратор журнала Е. Н. Баланова

Адрес редакции и издателя

195220, Россия, Санкт-Петербург, Гражданский пр., д. 11, офис 300

Почтовый адрес: 195220, Россия, Санкт-Петербург, ООО «Полтораки» (до востребования)

Тел.: (812) 534-28-28; 335-31-00 (тональный режим (*), 4224)

poltorak2006@yandex.ru

www.poltorak.spb.ru

Редакция журнала принимает к рассмотрению материалы и иллюстрации в одном экземпляре объемом до 0,5 п.л. (электронная версия обязательна).

Материалы не возвращаются и не рецензируются.

Подписка на журнал «История Петербурга»

осуществляется по каталогу агентства «Роспечать»

Индекс 14244

© «История Петербурга», 2012

© Авторы публикаций, 2012

© Издательство «Полтораки», 2012

Перепечатка публикаций допускается с согласия редакции журнала.

Ссылка на журнал «История Петербурга» обязательна.

На 1-й странице обложки — «Ленинградский трамвай». Художник М. Кудреватый. 2005 г. Холст, масло.

На 4-й странице обложки — «Увольнение на берег». Художник М. Кудреватый. 1986 г. Холст, масло.

Семья Альбрехт и Детская питательная колония (1918—1921 годы)

Е. В. Селиверстова, Е. Г. Удалова

В истории нашего города еще много неизвестного или недостаточно изученного. Несмотря на то, что про Детскую питательную колонию есть уже немало публикаций и две замечательные книги («Ковчег детей» В. А. Липовецкого и «Над нами Красный Крест» О. И. Молкиной)*, нам кажется, многим будет интересно увидеть ее глазами членов одной конкретной семьи, узнать, как она повлияла на их жизнь. У нас, потомков участников тех событий, сохранились их письма, воспоминания и дневниковые записи. В нашей семье всегда помнили и рассказывали о путешествии вокруг света почти тысячи петроградских детей. История их спасения в годы Гражданской войны полна невероятных и трагических событий, и только помощь многих добрых и мужественных людей позволила ей завершиться благополучно. Эта история и эти люди не должны быть забыты.

В числе детей, совершивших фантастическое путешествие в 1918—1921 годах, были две девочки из нашей семьи – Таня и Настя Альбрехт.

В 1918 году в Петрограде обострился голод и Союз Городов (Соград)¹ организовал поездку учащихся школ и бывших гимназий Петрограда и Гатчины на летние каникулы в места, где было относительно спокойно и были еще запасы продуктов: на Урал.

Группы назывались по районам Петрограда, из которых ехали дети: Василеостровская, Петроградская и т. д. Таня и Настя поехали в составе Василеостровской группы, хотя жили в самом центре Петрограда, на Инженерной улице, относящейся в 1918 году к 1-у Городскому району. Квартира была ведомственная, при

Таня Альбрехт (слева) и Настя Альбрехт (справа) с двоюродной сестрой. 1910 г.

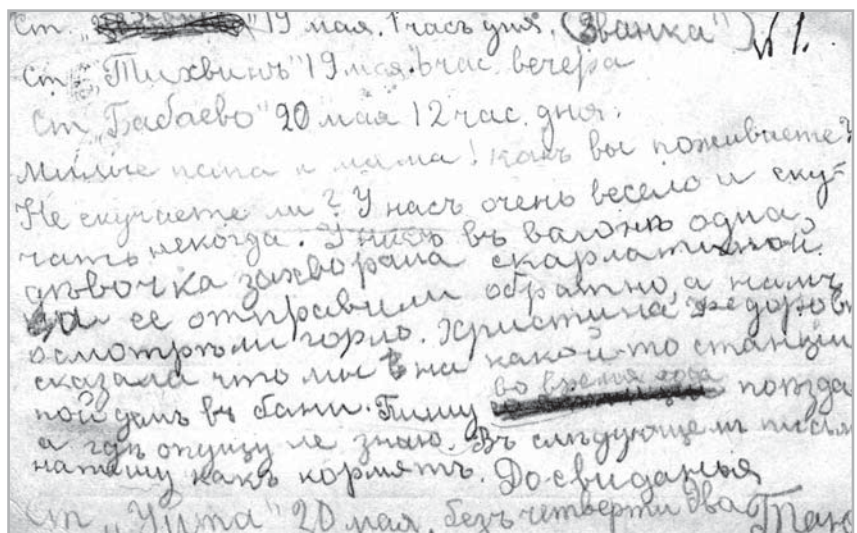
Русском музее, в доме, где жили многие его сотрудники. Валерий Львович Альбрехт, отец девочек, был чиновником канцелярии Рус-

ского музея, а по вечерам ходил на вторую работу – играл на виолончели в небольших оркестрах и театрах. Их соседями была семья сотрудника музея Березкина, с одной из трех дочерей которого – Верой – дружила тринадцатилетняя Таня. Вера и Лина Березкины учились в Василеостровском районе, и в их школе набирали группу детей для поездки на лето в так называемую Питательную колонию².

18 мая 1918 года с Финляндского вокзала уехала 1-я Детская питательная колония, а 25-го мая – 2-я. С собой везли летние вещи и собранные родителями деньги на питание на три месяца.

Поезда шли медленно, на больших станциях стояли по несколько часов, а то и дней. И хотя питание было нерегулярное и явно недостаточное, все же оно было лучше, чем в Петрограде. Девочки были домашние, они никогда еще не расставались с родителями, тем более на такой большой срок – три месяца...

Уже 19 мая у детей возникает желание поделиться новостями с родными. В 1 час дня со станции Тихвин Таня написала письмо до-

Открытка родителям от Тани со станции Тихвин. 19 мая 1918 г.

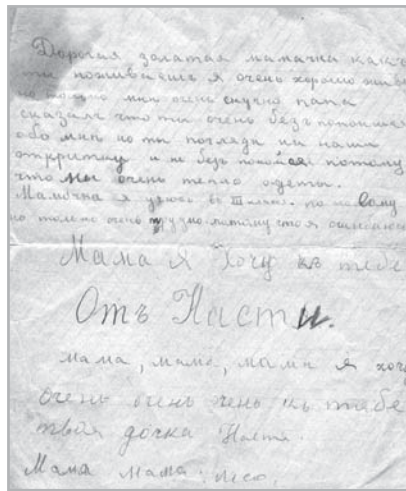
* См. также: Молкина О. 800 русских детей американца Алена // История Петербурга. 2005, № 2 (24).

мой*: «Милые папа и мама! Как вы поживаете? Не скучаете ли? У нас очень весело и скучать некогда...». К 20 мая настроение изменилось. Со станции Уйта Таня написала:

«Еще два часа, а мы голодны, как волки. Мы встали в 6 часов и съели по 1/8 хлеба и выпили по 1 кружке чая, а обед в 1 час дня. Значит нам надо ждать 6 часов ничего не евши. Господи, как я раскисаюсь, что поехала. Это случилось в первый и в последний раз. Я понимаю, что вам без нас легче, но не могу не написать вам этого, хотя Вера и говорит, что бы я этого не писала, но ведь я обещала папе писать всю правду и сдерживаю свое слово. Скорее бы прошло лето. Сейчас принесли хлеб, и все мы как голодные собаки бросились выбирать большие куски. Я сейчас пообедала, но совсем не сыта...»

Но это письмо дочери Альбрехты получают лишь через год, 20 августа 1919 года! Во всех письмах девочек говорится о еде, о ценах на продукты на станциях, мимо которых проходил поезд. У нас сохранились Танины письма, которые она писала до 24 мая каждый день, а затем гораздо реже. Настинных писем меньше. И на это есть причина: «...мама знаешь что Таня мне не дает бумаги иза того я так долго не писала тебе писем. Мама мы уже приехали в Вятку. Когда мы проезжаем поля и леса то все бывает покрыто снегом. Мама мы встаем в 6 часов, чай пьем ..., в 4 ч. чай, а в 6 ужин. У нас обед такой на 1. суп с макаронами на 2. каша без соли и масла. Папа ты думал что мы будем скучать, но нам очень весело. В Вятке мы ходили город осматривать. Видели забор. Одни улицы... Мы прошли 4 версты, там очень дешево яйцо 30 коп молоко 60 коп хлеб 3 р масло 7 руб. Но в Вятки зараза холера и дивтирит ...».

Насте всего девять лет, ее письма изобилуют трогательными ошибками; она очень скучает без мамы и папы: «...Мама, у вас, наверное, нет сахара. То я вам пришлю. Может быть будут так добры, что и не отнимут. У вас я знаю, нет и хлеба. Но я боюсь, что отнимут хлеб сахар мне не так дорог как хлеб...» «...скоро приедем в Миасс Мама жаль что ты нам не дола денег ой как жаль потому что булки по 70 коп. Хотя кормят и хорошо но все-таки есть

Письмо Насте к маме.
Декабрь 1918 г.

охото. И очень завидно что другие покупают, а мы сидим как нищие. Мамочка хоть 20 копеек пришли. Девочки не которые плачат но я удерживаюсь. Но один раз я не выдержала и расплакалась мне есть очень хотелось. Ты знаешь что я с Таней не привыкла к режиму и есть все время охото...» На одном из писем Насте стоит штамп: «Вскрыто военною цензурой г. Петроград. Военный цензор № 740».

Из Петрограда 28 мая Тане и Насте пишет папа: «Дорогие мои дети. Письма (5 штук) получили, знаем из газет, что 24-го вы были уже в Перми. Мама только беспокоится, не холодно ли вам. У нас все держится холодная погода. Картошку посадили, копаем грядки перед Музеем, чуть ближе цветника. Мы опять выехали на восьмушку хлеба, но благодаря разрешению свободной продажи продуктов – у нас есть пока чем питаться...»

Наконец колонии прибыли в места назначения – город Миасс и поселок Курьи. Уральская природа была сказочно красива. Дети отдыхали, ходили на экскурсии, частично себя обслуживали. Об этом времени Таня написала маме из Петропавловска, где она оказалась в ноябре 1918 года: «Миленькая мамуся! Когда мы жили в Миассе, то собирали коллекцию камней. Я тоже собирала. У меня есть очень хорошенькие камни. Мне очень нравится голубой камень, амазонит. Я посылаю вам кусочек этого камня. По моему, этот камень можно вста-

вить в кольцо или в брошь. Он как бирюза. У меня только нет горного хрусталя, граната, изумруда, топаза и аметиста».

Эта коллекция камней хранится в нашей семье и по сей день...

...А в стране тем временем уже полным ходом шла Гражданская война. При поддержке местных отрядов мятежный Чехословацкий корпус под предводительством Радолы Гайды³ захватил и контролировал огромную территорию от Урала до Владивостока, по которой проходила Транссибирская магистраль. Основные эпизоды тех драматических событий происходили в непосредственной близости от мест, куда волею судьбы были заброшены дети, и Чехословацкий мятеж произошел именно тогда, когда дети подъехали к Челябинску.

Завгуста Таня писала: «...Деньги мы все растратили. Пришлите пожалуйста, хотя бы немного. Тогда я куплю муки и насушу хлеба. Нам дают хлеба по 1 1/4 фун. ситного и конечно нам из своего хлеба насушить не удастся. Мы все съедаем. Я страшно скучаю по вас и мне все кажется, что я вас больше не увижу. Мне почти каждый день вы снится. И всегда то мертвыми, то больными. ...Милые мои! Много хотелось вам рассказать, да в письме всего не напишешь. Ах! как хотелось бы увидеть вас хотя бы на один день, ... Все мы страшно ругаем себя за то, что поехали в колонию. Мы стали теперь совсем дикарями: вилами есть не умеем, а едим руками, отвечать вежливо не умеем, так что, если Бог даст, приедем в Петроград, то многому вам придется учить нас... Так хочется домой, что прямо и описать нельзя. Я согласна была бы и голодать и умереть от холеры, но всем вместе. Дура я, что поехала! Настоящая идиотка! Ведь знала я, что у вас будет голод, а все таки поехала. Бесстыжая я рожка! Да еще и Настю с собой повезла! Я вижу, что она скучает, но редко говорит об этом. Мы с ней ссоримся очень редко. Хоть написать еще есть что, да не хватает бумаги. Пишите почаще. Передайте 10 000 поцелуев каждому из родных и знакомых. Крестенькой 100 000 поцелуев, а вам, мои милые по 1 000 000 000.

...а в колонии ходит дизентерия и холерина, очень похожая на холеру. На ваши фотографии я теперь

* Во всех письмах и документах сохранены орфография и пунктуация оригиналов.

даже не смотрю, как посмотрю так мне хочется плакать. Ах! поскорее бы в Петроград! Господи! Какая здесь скука! Мы ходим грязные, не мылись уже недели 2–3. Ходим почти все без белья, в одних платьях, спим без простыней и наволочек. Много оборвалось, а зашить я не умею...»

Так как детские колонии оказались за линией фронта, всякая связь с родителями оборвалась. Дети были в отчаянии.

Вскоре стало ясно, что возвращение в Петроград откладывается на неопределенное время. Деньги, взятые на три месяца, кончились. Администрация колоний направила воспитателей в Томск, Тюмень, Курган, Троицк, Омск и другие пункты с просьбой к городским властям о помощи детям с жильем, питанием, зимней одеждой, учебой. Несмотря на трудности военного времени, многие согласились помочь – и частные лица, и общественные организации. Детей с воспитателями группами развезли по городам и станциям.

В Петрограде родные детей, не имея о них сведений, были крайне озабочены. Общее родительское собрание постановило отправить группу родителей, у которых хватит гражданского и человеческого мужества, за линию фронта, чтобы разыскать и вернуть колонии в Петроград. Предполагалось везти с собой деньги, теплые вещи и списки детей, на которых родители должны были поставить свои подписи. В состав делегации были выбраны Иван Петрович Пржевоцкий, Иван Евграфович Разумов и Валерий Львович Альбрехт. Вот что писала Татьяна Альбрехт в своих воспоминаниях о колонии в семидесятые годы: «Мне хотелось бы написать несколько слов об Иване Петровиче Пржевоцком. Революционер-подпольщик. Член партии с 1905 г. По профессии слесарь. Во время Гражданской войны был на партийной работе. Потом работал по специальности. В Великую Отечественную войну был в партизанском отряде под Воронежем. Пропал без вести.

Разумов Иван Евграфович <...> был преподавателем биологии в бывшей Александровской женской гимназии, где я училась до колонии. Потом гимназия была переименована в 38 Советскую школу. По

возвращении из колонии я кончила эту школу, где преподавал биологию И. Е. Разумов. К сожалению, никаких разговоров о колонии у нас не было. Вера и Наталия несколько лет назад умерли, а Софья Разумова живет в Ленинграде и бывает на наших встречах. У нее никаких документов о поездке Ивана Евграфовича не сохранилось».

В нашей семье имеется много копий интереснейших документов, касающихся той истории, подлинники же (в количестве 34) были переданы в 1970-е годы Татьяной Валериевной Шестаковой (Альбрехт) в Государственный музей Революции (сейчас он называется Музей политической истории России).

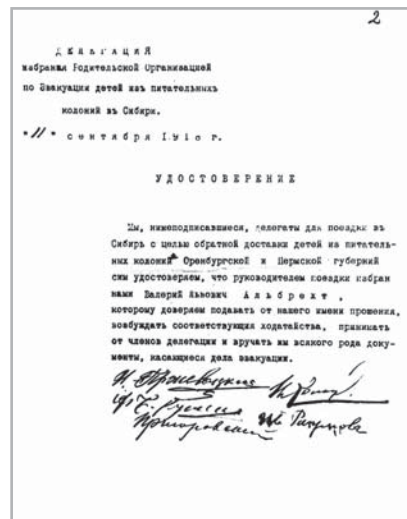
Например, в копии удостоверения, выданного 14 сентября 1918 года комиссаром при Русском музее, говорится: «...Дано сие Дело-производителю Этнографического Отдела Русского Музея Валерию Львовичу Альбрехту на предмет предоставления, куда следует для получения разрешения на поездку в качестве делегата родительской организации 1-й детской питательной колонии Петроградского Областного Всероссийского Союза Городов, находящейся в г. Миассе Оренбургской губ. и 2-й детской колонии, находящейся в курорте Курьи Камышиловского уезда Пермской губернии с целью обратной доставки колоний в Петроград.

Вместе с сим я, нижеподписавшийся Комиссар Рабоче-Крест. Правительства при Русском Музее, ручаюсь, что тов. Альбрехт является деятельным и ревностным советским работником и никакого отношения к белогвардейским и контрреволюционным организациям не имеет.

Комиссар при Русском Музее – Н. Пунин».

Таким образом, Николай Николаевич Пунин, известный искусствовед, ученый и педагог, должен был давать характеристику другому сотруднику музея, фактически поручаясь за него перед советской властью.

11 сентября В. Л. Альбрехт был избран руководителем той небольшой группы родителей. Для проезда в военное время и перехода линии фронта необходимо было оформить множество документов и разрешений. Большинство из

Удостоверение В. Л. Альбрехту об избрании его руководителем поездки. 11 сентября 1918 г.

них получить можно было только в Москве. В. Л. Альбрехт посетил М. Горького, который внимательно все выслушал и дал советы, куда и к кому обратиться. Даже для проезда в Москву нужно было получить разрешение и пропуск. Альбрехт происходил из семьи известных музыкантов, выходцев из Пруссии, принимавших участие в становлении Московской и Петербургской консерваторий, работал в них в одно время с П. И. Чайковским, Н. Г. и А. Г. Рубинштейнами и др. Свободное владение немецким языком помогло Валерию Львовичу быстро найти отклик и заручиться помощью и поддержкой Датского и Шведского Красных Крестов в Петербурге. В группу делегатов был также включен пастор Сарве от Шведского Красного Креста.

Началась подготовка к поездке. Разумов отвечал за доставку в колонии теплых вещей, собранных родителями.

В Москву И. П. Пржевоцкий и В. Л. Альбрехт поехали 17 сентября 1918 года. Устроились в Советском общежитии на Дмитровке, 3, получили талоны на обеды в столовой. Как любой семейный человек, оторванный от родных, Валерий Львович очень скучал и постоянно писал письма жене Августе Ивановне в Петроград. Часть из них у нас сохранилась. Они дают некоторое представление о тогдешней жизни: «...цены как-то вполне устойчивые и по сравнению с Петроградом вполне доступны. К обеду нам дают

Валерий Львович
и Августа Ивановна Альбрехт. 1910 г.

кусочек хлеба, котор. в частных столовых стоит 1 рубль. В Общежитии имеешь готовый чай 3 раза в день и по два небольших кусочка сахара, а вечером на ужин ломтик хлеба за 30 коп. Денег однако много выходит – целый день на ногах и целый день все есть хочется...» Видимо, как и сейчас, жизнь в Москве в 1918 году сильно отличалась от петроградской: «...Странно теперь видеть на улицах такое движение: летят сломя голову трамваи, до невозможности переполненные, с гроздьями на подножках, как это было когда-то у нас – помнишь “висельников”, экипажи, ломовые по 2–3 лошади, автомобили сплошной линией двигаются по улицам. В кафе везде людно, театры пока плохо посещаются, но ведь еще только начало сезона...» Были и сложности, появившиеся при советской власти: «...Скажи Зине, чтобы при выдаче удостов. или выписок смотрела внимательно, в них не должно быть указано вероисповедание, за это можно попасть под ответ». Но писать об этом жене еще можно...

Начались сборы многочисленных документов на проезд, хлопоты о получении денег для детей и делегатам на дорогу. Все с известной волокитой, усиленной и обостренной военным временем. Делегаты посещали многие комитеты и влиятельных людей того времени.

Из дневника В. Л. Альбрехта: «20-го были у Чичерина, просили о содействии передать записку

Комиссара Соц. Обеспеч. Был у товарища Свердлова⁴, председателя Союза Городов... Получил от него распоряжение о выдаче делегации удостоверения о командировке от здешнего Союза Городов... В пятницу был в Шведском Консульстве, где мне передали телеграмму о том, что пастор приезжает в субботу <...> Пропуски через фронт <...> могут быть выданы не раньше, чем через три дня <...> задержка в отъезде происходит из-за отсутствия денег. Нет и известий о тех 100 000руб., которые ассигнованы были Соградом. <...> Перестали окончательно понимать, настолько много противоречий... Нервничаем, злимся. Деньги на исходе... Целый день ждем и всегда голодные <...> идет уже 9-й день нашего пребывания здесь – из 1500 руб. осталось рублей 250–300... Предполагаемый расчет денег такой: всех денег 118 082 руб. На уплату долгов (жалованье персоналу Колоний 1-й 15 000 руб. и 2-й 35 000 руб.) – итого 50 000 руб. На расходы по перевозке детей и их питание 50 000 руб. Родительских денег для передачи детям 16 082 руб. и наших на расходы делегации 2000 руб.»

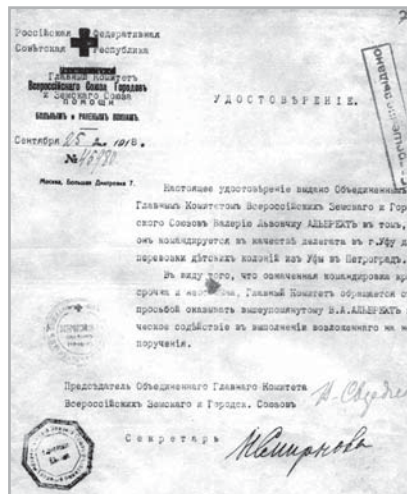
Из письма Валерия Львовича жене: «Ты знаешь Густя, что у меня сапоги разорвались. Я ходил к сапожнику здесь и он сказал, что еще неделю можно поносить, а дальше и каблуки и подметка совершенно сотрутся. Подтекает подметка и стерты до конца каблуки. Починить можно в понедельник, даст замену

на день, но стоять эта история будет 50–70 руб. Вот тебе еще расход, а почему? Ходить пришлось за эти 10 дней столько, что и новые сапоги не долго сносить. Очень жалею, что не взял с собой набор – стоило бы вдвое дешевле... Спасибо тебе, что отправила мне посылкой папиросы, они очень пригодятся. Я очень неэкономно курю, но при нашей работе без курева не могу».

21 сентября 1918 года Альбрехт писал жене из Москвы, что все идет очень тяжело, медленно, все время независимо от делегатов выясняются новые обстоятельства, новые проблемы: «Дело наше туго подвигается вперед и причиною этому мы не являемся. Все необходимые бумаги от международной Комиссии Кр. Креста у нас уже на руках, не оказалось только ни у кого из нас 3-х фотограф. карточек каждого делегата. Завтра идем в моментальную фотографию сниматься, узнавал о цене: 15 руб. за дюжину, меньше не делают. Карточки будут готовы только к вечеру в понедельник, во вторник их надо отдать для приклейки к свидетельству (пропуск через фронт) и только через три дня эти пропуска нам могут быть выданы. Значит в четверг только можно определить день нашего отъезда отсюда».

В очередном письме Валерий Львович сообщал: «...Соскучился я очень, но ты знаешь, что я никогда не брошу дела котор. начал, хотя часто так жаль становиться всего своего оставленного в Петрограде, что расстроишься сильно, а вспомню про девочек своих и кажется еще не то бы сделал, чтобы только вернуть их, видеть их, отдать тебе».

Хоть и бесконечно трудно, но дела продвигались. Уже были собраны документы о содействии делегатам от Американского, Шведского, Швейцарского, Датского Красных Крестов, Международного совещания обществ Красного Креста нейтральных стран в Москве. Во всех этих документах декларировалось и особо подчеркивалось, что работа обществ Красного Креста всегда «основана на принципах полной и безусловной нейтральности, с целью помощи всем страдающим от последствий войн». 24 сентября было получено разрешение от Народного Комиссариата по военным делам в Москве на беспрепятственный

Удостоверение В. Л. Альбрехту
от Союза Городов
с подписью Вениамина Свердлова.
25 сентября 1918 г.

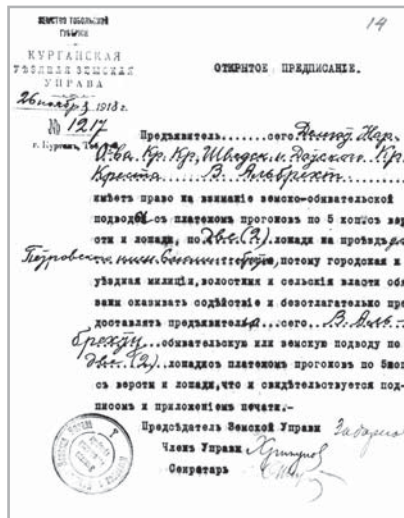
Удостоверение В. Л. Альбрехту от Народного Комиссариата по военным делам для проезда до Миасса (24 сентября 1918 г.); с припиской от начальника Сибирской военной дивизии Галя (19 октября 1918 г.)

проезд до Миасса. Уже в Сибири 19 октября на нем будет приписано начальником 1-й Симбирской Железной дивизии Гаем: «Пропускать беспрепятственно через фронт».

Из письма, адресованного Августе Ивановне Валерием Львовичем от 3 октября 1918 года: «Дорогая Густинька. Волынка тянет все еще душу. Я записываю в тетрадь последовательно, как, независимо от нашей воли и нашей работы, складываются обстоятельства по нашему делу. Эту тетрадь я на твоё имя заказным письмом пошлю из Кузнецка перед переходом за фронт и ты будешь вполне в курсе дела. Мне эта запись необходима для доклада Общему собранию по возвращению в Петроград». Кузнецк – последняя крупная станция перед линией фронта на советской стороне...

Тем временем И. Е. Разумов повез собранные родителями теплые вещи из Москвы в Нижний Новгород, откуда на пароходе пытался добраться до Уфы, но перейти линию фронта ему с таким грузом не удалось. Иван Евграфович передал все теплые вещи в один из местных детских домов и вынужден был вернуться в Петроград.

В конце октября Пржеватский, Альбрехт и пастор Сарве выехали, наконец, из Москвы. Второго ноября, перейдя линию фронта, они прибыли в Уфу. Это уже была терри-

Удостоверение В. Л. Альбрехту от Курганской земской управы. 26 ноября 1918 г.

тория, подвластная правительству Колчака. Здесь местные власти оказывали помощь – выдавали удостоверения, открытые предписания о содействии делегатам. Эти бумаги помогали им добраться до Урала. Приехав в Миасс, делегация не нашла там колонии, так как дети уже были распределены по другим населенным пунктам. В Омске, бывшем тогда столицей территории, занятой Колчаком, делегаты выяснили, что колонисты разбросаны небольшими группами по многим городам и станицам, и решили разделиться: Альбрехт и пастор Сарве

поехали в населенные пункты, где к тому времени были размещены дети 1-й колонии, Пржеватский – во 2-ю колонию. В ноябре 1918 года В. Л. Альбрехт посетил Петропавловск, где находились его дочери – тринадцатилетняя Таня и девятилетняя Настя. За несколько дней до этого старшая дочь получила письмо от Валерия Львовича с сообщением о его скором приезде. Из воспоминаний Тани Альбрехт, записанных ею в июле 1919 года: «...Долго я не решалась его распечатать. Наконец распечатала и первым делом прочитала подпись. Представте мою радость, когда я увидела слово “папа”. Я даже не могла читать, а бросила письмо и заплакала... Успокоившись немного, я стала читать письмо вслух. Из письма мы узнали, что папа едет к нам делегатом от родителей и через несколько дней будет у нас. Боже! Что у нас тут произошло!!! Все тридцать девочек принялись “реветь”. Именно не плакать, а реветь!.. С этого дня мы принялись наводить в комнатах порядок и вообще готовиться к папиному приезду.

Когда Настенька узнала, что папа уезжает, она стала умолять его взять ее с собой, плакала страшно, говорила, что не будет ему мешать, будет делать все, что он ей скажет. Папа очень расстроился, уговаривал ее, утешал и говорил, что он поехал от всех родителей, и не имеет права привезти только свою дочь». И дело было не только в том, что Валерий Львович приехал за всеми детьми и природное благородство не позволяло ему забрать Настю. Преодолев труднейший путь из Петрограда в Сибирь, перейдя линию фронта, он отлично понимал, как сложно будет возвращаться. А с ребенком это практически невозможно...

Видимо, в Омске делегация родителей и пастор Сарве вели переговоры с Американским Красным Крестом. Из воспоминаний Татьяны Альбрехт, записанных ею в 1925 году: «Перед отъездом отец мне сказал, что скоро нам будет жить легче. Почему, он мне не объяснил, но мне кажется, что он тогда уже знал, что нас берет на свое попечение Американский Красный Крест и может быть, рекомендательное письмо мистера Алена Водвелла к американскому консулу в Самаре Георгу Вильямсу и послужило толчком

Посещение В. Л. Альбрехтом и пастором Сарве колонистов в Петропавловске (1918 г.). Первый ряд сверху, 6-я слева – Татьяна Альбрехт; 2-й ряд сверху, 6-й слева – В. Л. Альбрехт; 3-й ряд сверху, 2-я слева – Настя Альбрехт, 3-й – пастор Сарве

к тому, что АКК заинтересовался нашей судьбой».

Вот сохранившийся у нас перевод этого письма с английского языка (перевод неуклюжий, но так как оригинал утерян, мы приводим его без изменений):

«Американский Красный Крест в России. Москва. 20 сентября 1918 г.

Георгу Вильямсу, Американскому вице-консулу в Самаре.

Мой дорогой сэр!

Петропавловск, ноябрь 1918 г. Верхний ряд, слева направо – Вера Березкина, В. А. Альбрехт, Таня Альбрехт, нижний ряд – Лина Березкина, Настя Альбрехт

Это письмо представит Вам мистера Валерия Львовича Альбрехт, который действует от имени родителей колонии детей, посланных из Петрограда и Москвы к пунктам чехословацкого фронта. Его намерения удовлетворить естественные требования родителей – забота о собственных детях, которые, к несчастью, оказались отрезанными от дома из-за военных операций.

Я надеюсь, Вы дадите ему такую помощь, чтобы сделать возможным удовлетворение его целям (намерениям).

Мистер Пулл несколько дней тому назад выехал в Стокгольм, иначе он тоже написал бы Вам.

Очень преданный Вам Ален Водсвелл, Главнокомандующий Американским Красным Крестом в России».

25 декабря 1918 года из Омска Альбрехт написал письмо дочерям Тане и Насте и их подругам Вере и Лине Березкиным: «...Судьба вас закинула за тысячи верст от любящих вас людей, вы не чувствуете над собою любящей руки матери. Никто и никогда не заменит нам наших близких, родных и если мы видим в людях хорошее к себе отношение, заботу и ласку – как это ценно для тоскующей души. Я оставил вас людям, посланным нам самим Провидением, которые поняли по благородству своей души ваше положение и которые обещали

мне не покидать вас. Я уверен, что в них вы найдете утешение в ваших горестях.

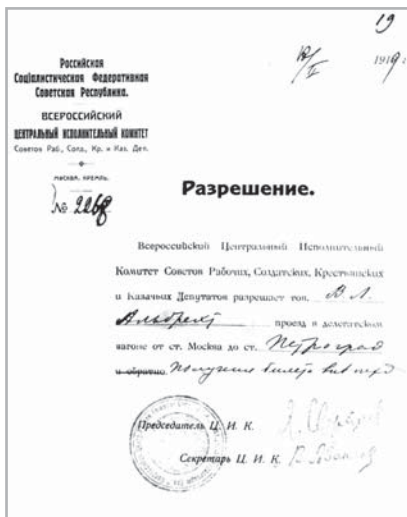
...Милые мои деточки, я вам скоро пришлю денег, чтобы вы могли купить себе к Рождеству, что сами пожелаете. Всем четверем пошло рублей сто, нет больше. ...Может быть, вы соорудите себе небольшую елку?

Целую вас всех крепко, крепко, дай Бог быть здоровыми и скоро опять увидеться. Папа».

Приехав в очередной раз в Омск, В. Л. Альбрехт не застал там Пржевоцкого и пастора Сарве – по каким-то причинам они его не дождались и уехали. Но уже были собраны документы для возвращения в Петроград от начальников гарнизонов Белорецкого и Катавского округов, распоряжение давать делегату «беспрепятственно подводу по его указанию» от командира 3-й этапной отдельной роты. Получен документ «...для получения разрешения от генерала Гайды на обратное возвращение через фронт в Петроград»; удостоверение от Революционного Военного Совета г. Уфы, на этот момент занятой большевиками. Сохранилось и разрешение, выданное В. Л. Альбрехту на проезд в делегатском вагоне от Москвы до Петрограда, подписанное Яковом Свердловым, председателем Всероссийского Центрального исполнительного комитета Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов.

В. Л. Альбрехт вынужден был возвращаться в Петроград один, что, конечно же, было гораздо труднее и опаснее. Из воспоминаний Тани Альбрехт, записанных ею в семидесятые годы: «...Впоследствии папа рассказывал о некоторых эпизодах. Однажды какие-то военные его чуть не расстреляли, не желая даже смотреть его документы. С каким-то случайным попутчиком они ночью обнаружили пустой вагон (а все поезда были тогда переполнены – не по пасть), влезли, прекрасно выспались, а утром на остановке поезда с ужасом увидели на вагоне надпись: “для тифозных больных”... Однажды в лесу он с возчиком попал в район боевых действий. Оба они залезли под телегу и сидели, пока бой не переместился куда-то дальше».

Подавляющее большинство людей, встретившихся детям на их трудном пути домой, приняли в них

Разрешение В. А. Альбрехту на проезд в делегатском вагоне от Москвы до Петрограда с подписью Якова Свердлова

самое горячее участие; пренебрегая собственными невзгодами, проявляя мужество и самоотверженность, они делали все возможное, чтобы помочь им. Это были люди разных национальностей, порой имевшие различные политические взгляды, стоявшие на разных ступенях общественного положения.

В Самаре в американской общественной организации Христианский Союз Молодежи (УМСА) работали Альфред Альфредович Сван и его жена Екатерина Владимировна, приехавшие из Петрограда*. В сентябре 1918 года из Самары, находившейся на осадном положении, Союз переместился за Урал. Там от волонтера из американской Миссии дружбы ирландца Чарльза Коллеса Сван узнал о детях, уже рассеянных по пунктам Сибири без средств, теплой одежды и еды. Из Владивостока на запад двигались поезда АКК с одеждой, медикаментами, санитарным оборудованием, продуктами для нуждающихся. Во главе одного из эшелонов стоял епископ Туккер из Вирджинии. Он передал привезенные запасы для распределения между разрозненными группами детей. Чарльз Коллес взял на себя заботу о колониях в Тюмени, Ирбите, Шадринске. Сван и его жена поехали в Курган, Петропавловск, казачьи станицы и

* Подробнее о А. А. Сване см.: Молкина О. И. Лебедь, перелетевший через океан // История Петербурга. 2010. №3 (55).

в Троицк. В своих воспоминаниях⁵ А. А. Сван писал, что Екатерина Владимировна была «...фактической силой, управляющей всем <...> Ее сила убеждений, настойчивость и уверенность в том, что детей надо спасти, были так велики, что она могла бы сдвинуть горы». Американские волонтеры сразу навели порядок. Некоторые воспитатели были уволены, набрали новых сотрудников. Детей обеспечили теплой одеждой, нормальной пищей. Все колонисты продолжили учиться, был организован их досуг.

В. А. Альбрехт. 1930-е гг.

И 1-я, и 2-я Детские питательные колонии под покровительством Американского Красного Креста были перевезены на озеро Тургояк, откуда предполагалось отправить их в Петроград. Из воспоминаний А. А. Свана: «...было решено сосредоточить все разрозненные группы в одном центральном месте. Выбор последнего определился, вследствие уверенности Колчаковского правительства в победе над Красными не позднее апреля 1919 г. Мы получили заверения, что было бы безопасно вернуть колонии в Миасс, и для этого было реквизировано много частных дач вблизи этого города. <...> когда в начале мая мы выехали туда с группой из Петропавловска, положение на фронте сильно ухудшилось. <...> оставшийся до Миасса путь был проделан в условиях, пожалуй, уникальных во всей истории мероприятий по улучшению положения детей». Группа детей из Петропавловска в сопровождении Сванов застряла в Челябинске. По железнодорожным путям в обоих направлениях пропускались лишь воинские поезда. Состояние путей несло угрозу эпидемий дизентерии или еще более страшных заболеваний. О том, как удалось выехать из Челябинска, сообщала А. А. Сван: «...внезапно пришло сообщение, что на данный фронт собирается проследовать знаменитый генерал

Фото колонистов во время переезда со Второй Речки на Русский остров. Первая слева – Настя, вторая – Таня. 29–30 августа 1919 г.

Капсель с целым поездом военного снаряжения... Около полуночи того дня подъехали воинские эшелоны и меня провели в генеральский вагон. Он сам был там, на его столе были разложены географические карты <...> Сомневаюсь, что когда-либо до сих пор военный совет был прерван просьбой постороннего лица: "Не разрешите ли вы следовать нашему товарному поезду с детьми и персоналом с вашим поездом до Миасса?". Генерал выглядел озадаченным, но не суровым. "Я везу с собой динамит и не могу взять на себя ответственность за то, что может произойти. Сколько времени потребуются на прицепление товарных вагонов?" "20 минут, ваше превосходительство", быстро заявил комендант станции. <...> Поистине, это было одним из многих чудес, случившихся в нашей жизни».

После того как Американский Красный Крест взял петроградских детей под свое покровительство, А. А. Сван стал директором колонии.

Надежды Колчака не оправдались, красные наступали, линия фронта продолжала сдвигаться. Администрация, опасаясь, что дети попадут в район боевых действий, приняла решение о перемещении колонии на восток. Летом 1919 года эшелоны с путешественниками при-

Фото похорон Насти Альбрехт на острове Русском

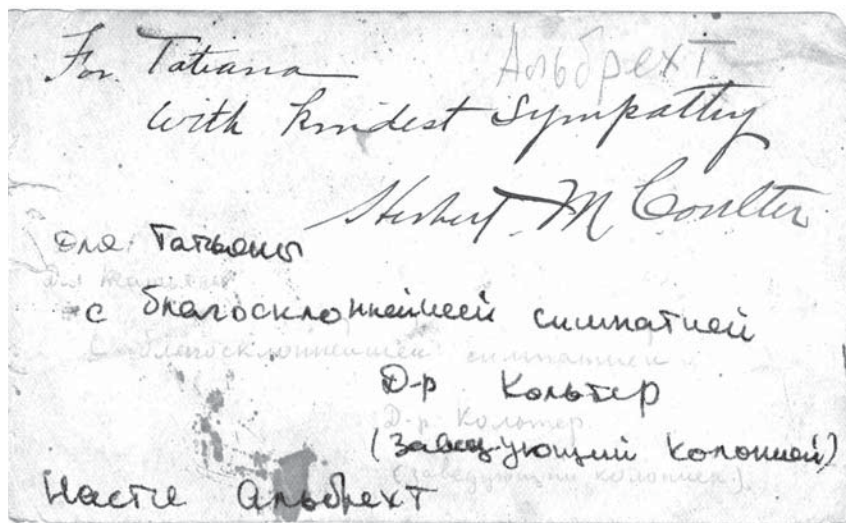
были во Владивосток, где они прожили год, надеясь на скорое возвращение домой через Сибирь. Там руководство колонией взяли на себя представители АКК Райли Аллен и Барл Бремхолл. Детей разместили в городе, на Второй речке и на острове Русском, в зданиях бывшего военного госпиталя. Они учились в школах и гимназиях Владивостока, устраивали свою жизнь, ставили спектакли, занимались в кружках, ходили на танцы. Время шло, положение на фронтах не становилось лучше, возвращение домой все откладывалось...

На острове Русском случилось непоправимое. Настя заболела воспалением легких, которое осложнилось гнойным плевритом и заворотом кишок. Ее пытались лечить в американском госпитале, но через четыре дня, 16 декабря 1919 года, Настя скончалась.

Таня была в отчаянии. Она пишет Вере Березкиной на Вторую речку: «...Но мне теперь и в Петроград не хочется, куда я приеду одна. Веруша, уже после смерти Насти я читала папины письма и везде в них папа писал: "береги Настю"», а я то!!! Уберегла!!! Я чувствую себя такой виноватой, мне так и кажется, что из-за меня она умерла». С ужасом думала она о возвращении домой без Насти и о том, как сообщить об этом маме и папе. 30 декабря 1919 года Вера Березкина пишет родителям: «Дорогие мои, у нас случилось огромное несчастье. Умерла Настенька. <...> Дорогая мама! Скажи об этом Августе Ивановне. Таня не пишет, т. к. не знает

как писать». Это письмо хранится у нас, видимо, оно не было отправлено из Владивостока. Настю похоронили на острове Русском, около церкви. Приехав туда через 90 лет, мы не нашли ни церкви, ни кладбища, где была похоронена Настя и еще трое колонистов. Сохранились лишь стены военного госпиталя, где жили дети.

Детская колония оставалась во Владивостоке до лета 1920 года. Все это время представители Американского Красного Креста продолжали заботиться о детях и не прекращали попыток организовать их возвращение домой. Политическая обстановка на Дальнем Востоке ухудшилась. Надвигалась угроза японской интервенции. Союзники срочно эвакуировали своих сотрудников из Владивостока. Представители Американского Красного Креста получили распоряжение свернуть все свои миссии на Дальнем Востоке и покинуть берега России. Но Райли Аллен и Барл Бремхолл со своими единомышленниками не могли так просто уехать и оставить доверившихся им детей на произвол судьбы. Решено было попытаться доставить колонию в Петроград морским путем. Преодолев множество трудностей, служащие АКК зафрахтовали японский сухогруз «Йомей Мару», переоборудовали его для перевозки людей, собрали средства, продукты. Нанятая ими японская команда во главе с капитаном Каяхарой провела судно с детьми через два океана. Дети побывали в японском порту Муроран, посетили Сан-Франциско

Запись на обратной стороне фотографии. Декабрь 1919 г.

Татьяна Альбрехт. Петроград.
1925 г.

Е. В. Селиверстова.
2007 г.

и Нью-Йорк, прошли Панамским каналом. Везде их очень доброжелательно встречали, приветствовали, дарили подарки, проводили для них экскурсии и концерты. Через два месяца плавания детей доставили в Финляндию, где их поселили в бывшем императорском санатории Халила. Оттуда в декабре 1920-го и январе 1921-го они небольшими группами были переправлены в Петроград. Их непредвиденное кругосветное путешествие продлилось два с половиной года.

Нерадостным было возвращение Тани домой. До самого прибытия колонии в Финляндию родители не знали о смерти Насти. По публикациям в газетах родные следили за продвижением «Йомей Мару» с колонистами на борту к

берегам Балтики. Но почтовой связи не было. Таня смогла написать родителям о смерти сестры лишь из Халилы...

Танино письмо с ужасным известием Альбрехтам привезла одна из воспитательниц. Через две недели родители собирались встречать Таню на Финляндском вокзале и уже одевались в прихожей, когда раздался звонок и она появилась в дверях, приехав почему-то немного раньше. Августа Ивановна, еще не поверившая до конца и не смирившаяся со смертью Насти, кинулась мимо нее и выглянула на лестницу... Это только добавило горечи в семейную трагедию.

Уже после возвращения в Петроград Татьяна научилась играть на виолончели, много лет работала в небольших оркестрах. После войны и эвакуации она не смогла найти работу по специальности и до выхода на пенсию проработала библиотекарем. Судьба ее сложилась трагично – она пережила смерть двух мужей и четырехлетнего сына. Скончалась она в 1979 году.

Валерий Львович оставался сотрудником Русского музея до самой своей смерти в 1935 году. Августа Ивановна дожила до 1967 года. Пережив трагическую гибель Настеньки, уже в зрелом возрасте, Августа Ивановна и Валерий Львович в 1922 году родили дочь Елену.

Она окончила школу в июне 1941 года, во время блокады работала медсестрой, тушила зажигательные бомбы, копала окопы. В апреле 1942 года выехала в эвакуацию на Алтай с мамой Августой Ивановной

и сестрой Татьяной. Там окончила учительский факультет Бийского института, работала патронажной сестрой и разнорабочей. После возвращения в Ленинград отучилась в институте им. А. И. Герцена и 34 года отдала школе.

От редакции.

Елена Валериевна Селиверстова приложила много усилий, чтобы сохранить память о Детской питательной колонии и людях, принявших участие в спасении детей в трудные для России годы. Вместе со своей дочерью Екатериной Георгиевной Удаловой она собирает материалы по истории семьи и об этом удивительном путешествии. Они надеются написать книгу, чтобы рассказать об этом как можно большему числу людей.

¹ Всероссийский Союз земств и городов – патриотическая организация либеральных помещиков и городской буржуазии, созданная в августе 1914 года в целях оказания помощи царскому правительству в организации тыла во время войны. Оказывал гуманитарную помощь больным и раненым воинам, а также беженцам с оккупированных территорий. В основном финансировался за счет пожертвований.

² Детская питательная колония – прообраз пионерских лагерей советского времени. С конца XIX века такие колонии устраивались для предоставления возможности слабым здоровьем детям из малообеспеченных семей пожить летом за городом. В 1918 году к названию этих колоний прибавилось слово «питательные» – детей везли не столько на отдых, сколько спасали от голода.

³ Радола Гайда (настоящее имя Рудольф Гайдль) (1892–1948) – чехословацкий военачальник и политический деятель.

В начале Первой мировой войны был мобилизован. Весной 1916 года прибыл в Одессу и поступил на службу в русскую армию. В мае 1918 года стал одним из руководителей антибольшевистского выступления Чехословацкого корпуса. Летом 1918 года – командующий чехословацкими войсками восточнее Омска. С 24 декабря 1918 года – командующий Сибирской армией.

1 января 1919 года поступил на службу в Российскую армию Верховного правителя адмирала А. В. Колчака. Позднее между Колчаком и Гайдой возникли противоречия, и 2 сентября 1919 года по распоряжению Колчака Гайда был уволен из Российской армии, лишен всех наград и генеральского чина.

17 ноября 1919 года во Владивостоке возглавил мятеж против колчаковской власти. Гайда и некоторые его помощники были арестованы. По требованию союзных миссий Гайда был освобожден и покинул Россию.

⁴ Вениамин Михайлович Свердлов (1886–1939) – младший брат Якова Свердлова.

⁵ В семидесятые годы, после многих лет разлуки, постаревшие колонисты встретились вновь. Колонисты писали воспоминания и обменивались ими, а также фотографиями, копиями дневников, писем. В том числе в руки Татьяны Шестаковой (Альбрехт) попали распечатки дневника Альфреда Свана. Был ли дневник издан в Америке и как он попал к колонистам, нам не известно. Возможно, его привез один из руководителей колонии, сотрудник Американского Красного Креста Берл Брэмхолл, который приезжал в СССР и встречался со своими бывшими подопечными.

АРБИНСКАЯ Раиса Михайловна – доцент Санкт-Петербургского государственного политехнического университета (2010 год).

БУЛАХ Андрей Глебович – доктор геолого-минералогических наук, профессор кафедры минералогии Санкт-Петербургского государственного университета, почетный профессор этого же университета, заслуженный деятель высшей школы РФ.

ВЕТОШНИКОВА Наталья Борисовна – мастер спорта СССР по теннису. На протяжении 37 лет (1935–1971 гг., кроме 1941–1942 гг.) результативно принимала участие в различных по рангу соревнованиях по теннису.

ЕГОРОВА Надежда Ивановна – политик, общественный деятель.

ЕПАТКО Андрей Юрьевич – старший научный сотрудник Государственного Русского музея.

КАШЕВАРОВ Анатолий Николаевич – доктор исторических наук, профессор кафедры истории журналистики СПбГУ и кафедры истории СПбГПУ, заслуженный работник высшей школы РФ.

КЕССИДИ Иордан Харлампиевич – председатель СПб РОО «Русско-Греческого клуба им. Д. Е. Бенардаки».

КОПЫТОВ Георгий Артемьевич – кандидат медицинских наук, главный специалист Комитета по здравоохранению Администрации Санкт-Петербурга

КОРЕНЦВИТ Виктор Абрамович – старший научный сотрудник ООО «Архитектурно-реставрационная мастерская КИФ».

КУЛИКОВ Юрий Сергеевич – старший преподаватель кафедры истории Санкт-Петербургского государственного горного университета.

КУНКИТЕ Мария Ионовна – историк, писатель.

ЛЕЛИНА Валентина Ивановна – член Союза писателей Санкт-Петербурга, член Союза архитекторов.

ЛЕЛИНА Елена Ивановна – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры исторического регионоведения исторического факультета СПбГУ.

ЛОГИНОВА Анастасия Григорьевна – блокадница Ленинграда.

МИННИКОВА Татьяна Николаевна – историк.

МУДРОВ Алексей Юрьевич – искусствовед, член Международного Совета музеев, член Международной ассоциации искусствоведов, научный сотрудник, реставратор Всероссийского музея А. С. Пушкина.

ПАВЛОВ Владимир Егорович – доктор технических наук, профессор Петербургского государственного университета путей сообщения.

РОМАНОВА Нина Михайловна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Российского этнографического музея

СЕЛИВЕРСТОВА Елена Валериевна – пенсионерка, в прошлом – учитель биологии и географии.

УДАЛОВА Екатерина Георгиевна – энтомолог, автор популярных книг и статей по защите растений.

История Петербурга журнал

№ 2 (66) 2012

Корректор **Н. М. Баталова**

Выпускающий редактор **Е. Н. Баланова**

Компьютерная верстка и дизайн обложки **Е. А. Тальянова**

Оригинал-макет подготовлен в издательстве «Полторак»

Подписано в печать 20.03.2012. Формат 60 x 84 1/8

Объем 12 п. л. Тираж 3000 (1-й завод 1–1800) экз.

Отпечатано в типографии «ПСП-принт»,

Санкт-Петербург, ул. Боровая, д. 51.

Заказ № 8469

Цена свободная